

Лиманова Е.Н.
Творчество как практика выхода за границы реальности

В процессе создания произведения искусства замысел имеет решающее значение. Мы легко оперируем понятиями «придумать» и «изобрести», вкладывая в них смысл отыскания новых возможностей и новых качеств. При этом то, что придумывается и изобретается, заведомо не существует на данный момент или находится где-то 1. вне границ нашего пространства 2. в будущем.

Здесь стоит развести представления о границах пространства и времени.

1. Разное представление о реальности при переключении с пространственного восприятия на восприятие времени.

Вряд ли найдется человек, рискующий утверждать, что с ним не происходит никогда никаких изменений. Следовательно, мы считаем хотя бы часть реальности изменяемой. Однако далее мы можем представлять себе весь остальной мир как нечто однажды заданное, вечное и неизменное. В дополнение или в противовес такой точке зрения, мы можем считать Бытие подобно себе находящимся в вечном течении, становлении и изменении. В одном случае мы пытаемся наблюдать пространство, в другом – время. Поэтому первую точку зрения можно назвать пространственной, а вторую – временной. Для тех, кто придерживается первой точки зрения, знанием будет отыскание повторяющихся закономерностей и соотношений. Для вторых – знанием будет отыскание новых возможностей для дальнейшего движения, и, следовательно, прошлое будет частью предыдущей точки зрения, неким пространственным подходом к представлению о времени. Само собой, что в чистоте не существует ни одна из этих точек зрения, поскольку каждый из нас имеет представления как о времени, так и о пространстве. И само собой, что взаимодействие этих двух точек зрения неминуемо, потому что даже для фиксации движения нужна какая-то неподвижная точка, тем более необходима память, которая тоже фиксирует перемены и обращена в прошлое. Однако без второй точки зрения, без ощущения потока изменений, без согласия с непрерывным появлением нового, мы потеряем свойства живого. Из-за постоянного переключения внутри любого сознания с одного способа наблюдения на другой, может показаться, что различием двух точек зрения можно пренебречь, однако мы никогда не можем находиться сразу в двух состояниях наблюдения одновременно, наблюдая и пространство, и время. Что-то одно неподвижность или движение нам приходится брать в качестве наблюдательного состояния. И любое утверждение о природе реального и о трансцендентном необходимо либо маркировать соответствующей точкой зрения, либо обязательно показывать метод их согласования.

2. Трансцендентное как место для возможности.

Если разговор о трансцендентном начинается среди придерживающихся пространственной точки зрения, то он быстро становится просто умозрительным упражнением, поскольку, чем дальше относим мы границы протяженности, тем недостижимее для нас трансцендентное и тем скорее им можно пренебречь и никак с ним не взаимодействовать.

Для второй точки зрения нечто трансцендентное, имеющее все качества существующего, необходимо, чтобы возможность осуществлялась. Так как граница будущего лежит прямо в следующем мгновении за «сейчас», то непрерывное обращение за пределы нашего мира есть фундаментальное свойство нашего существования. В этом случае тоже происходит обесценивание трансцендентного, поскольку без обращения на прошлое, неподвижное, уже навсегда случившееся, мы не в состоянии оценить свое влияние на события, а следовательно, так же можем пренебречь тем, что никак не подвластно нашему влиянию и не дает нам никакой свободы, то есть никаких возможностей. Однако сочетание двух взглядов и тактик дает нам представление не просто о возможном, но о возможном, имеющим внутри себя закономерности,

повторяемости, и возможности для манипулирования. При этом обращенность к времени, к потоку непрерывных изменений никаких возможностей для умозрительных упражнений не дает.

3. Обращение (промысел) в трансцендентное.

При этом важно, что кроме привычных нам манипулятивных тактик, когда мы повторяем действия, которые уже до нас совершали другие люди, ожидая уже случившегося результата, мы имеем стратегию, где допускаем, что может случиться нечто еще не случившееся. И более того, у нас есть стратегии, где мы пытаемся получить нужный нам результат вообще без опоры на предыдущий опыт, обращая вызов непосредственно за границу, в трансцендентное. И совершенное чудо, что достаточно часто результат получается.

Все представления о магии базируются на этом явлении отклика. На нем же базируется и религия. Мы можем вслед за атеистами отказаться от удивления этим явлением, но отсутствие в нас чувства благодарности и удивления никак не отменит самого факта точного ответа и его необъяснимости.

В работе «Женщины Завета» я попыталась взять крайние случаи подобного вызова.

В первой части цикла, основанной на Книге Бытия, Книге Юдифи и Книге Судей, показана развитая практика обращения к запредельному с просьбой о контроле над случайным. У моих героинь: Ревекки, Рахили, Фамари, Юдифи и Деборы, есть четкое представление о правилах и технологиях подобного обращения. Перечисленные женщины уверенно манипулируют с благословениями разного рода. Опасность нуминозных переживаний нисколько не останавливает ни одну из них от действий, которые они считают правильными в силу воспитания и которые должны привести к успеху, хотя рациональных связей между их действиями и результатом отыскать невозможно. Во второй части цикла таких технологий уже нет. Сама по себе необходимость подобного обращения неординарна, форма обращения уникальна, а отклик далеко превосходит границы обыденности. Для иллюстрации нового подхода к божественному, я взяла Благовещение, проповедь Магдалины перед Тиберием, двух женщин, стоявших у истоков христианских империй – Елену и Ольгу, Гипатию Александрийскую и Хадиджу, первую жену пророка. Для того, чтобы выстроить вторую часть концепции, я взяла переломные точки европейской истории, в которых и обнаружились вышеперечисленные значимые фигуры, с несомненной осознанной потребностью в глобальной перемене всего окружающего общества. Само по себе обнаружение вопрошающих внутри больших исторических явлений было для меня важным вызовом, требовавшим фиксации найденного с помощью образов внутри одного цикла. Форма обращения за пределы в первой части цикла коррелирует с формой обращения во второй части. Однако в первой части цикла само по себе вопрошание представляется рациональным и объяснимым. Отчасти у этого вопрошания есть даже оттенок требовательности. Во второй части все события чудесны или не случаются в задуманном виде. Как эпиграф всему циклу я написала «Еву в райском саду». Эта работа пытается передать полностью погруженное во время существование, когда нет никакой потребности собственного вызова, поиска дополнительных возможностей и планирования изменений, а есть спокойное проживание происходящего. И я оставляю вопрос, как именно произошло, что переход к представлениям о пространственном, фиксированном, описанном и заданном существовании, стал приметой нового времени.